

СЕМЕЙКА

В ТОМ ЧИСЛЕ...

Риталий ЗАСЛАВСКИЙ

Киев, 1928 - 2004

Вам интересен мой портрет?
Ну, что ж, пишу с натуры.
Поверьте, проще дела нет,
Начну с миниатюры.

Хотя я ростом невелик,
Не огорчаюсь, право:
Зато отменно свеж мой лик
И голова курчава.

Люблю спектакли и пиры.
А что ещё? Не смею
Я в том признаться до поры...
Пока учусь в Лицее.

Я заводила всех проказ
На дружеской пирушке...
Вот и портрет готов для вас,
Вот вам, друзья, и Пушкин.

Я прямо-таки слышу, как знатоки поэзии возмущённо кричат: «Позвольте, позвольте, да нет у Пушкина такого стихотворения!». Вы правы, уважаемые, такого стихотворения у него, действительно, нет, точнее, до недавних пор не было... На русском. А на французском - было. Просто перед нами отрывок из его юношеского «французского» стихотворения в переводе замечательного нашего современника Риталия Заславского, с творчеством которого я намерен познакомить читателей этого выпуска.

Риталий Заславский родился и жил в Киеве. Окончил московский Литинститут - семинар Ильи Сельвинского. Написал и издал 14 книг лирики,

шеститомник избранных поэтических произведений, 10 сборников детской поэзии, около 60 книг переводов... Его стихи, переводы, рассказы, повести, воспоминания публиковались практически во всех толстых журналах страны. Кроме того, Риталий Заславский выступал как составитель всевозможных антологий и популяризатор талантливых, но забытых авторов (открыл в киевском журнале «Радуга» раздел «Возвращение из небытия», нашёл, привёл в порядок и превратил в книги произведения 10 авторов – Людмилы Титовой, Михаила Марченко, Ольги Веригиной, Ольги Анстей и других). Многогранность таланта, высокое мастерство и подвижнический труд были отмечены, слава Богу, при жизни литературной премией им. Николая Ушакова, премией «Киев»; получил поэт и награду России Медаль Пушкина.

С Риталием Заславским мне, к сожалению, лично познакомиться не довелось. Наше общение свелось к небольшой деловой переписке, связанной с публикацией моих стихов и переводов в «Радуге», где он последние десять лет возглавлял поэтический отдел. В память о том общении стоит у меня на полке присланный Риталием Зиновьевичем в январе 2002 года сборник «Круг родства» - избранные переводы поэта с 16 языков (древнеиндийского, фарси, японского, английского, французского, немецкого, еврейского, украинского и других). На фотографии в книге светло улыбающийся человек, а под ней надпись: «На память о тех временах, когда я много переводил и часто улыбался...».

Из обширнейшего наследия Риталия Заславского я выбрал стихи, большинство из которых ранее не публиковались (мне их любезно предоставила вдова поэта Ирина Лазицкая) и несколько переводов с украинского из книги «Круг родства».

Второй високосный

Прошёл бы этот, високосный,
такой мучительный, несносный,
прошёл бы только поскорей!
Чтобы метели прилетели
и замели навек метели
его следы у всех дверей.

А там уже начнутся вёсны -
и берегов распухших дёсны
от теплых ветров опадут.
И жить решу я по-другому,
привержен к памяти и дому,

затею снова тяжкий труд.

Но надо мной качнутся сосны -
я не закончу старьей, косней,
косноязычный разговор -
и стану вдруг на полдороге
зачем-то подводить итоги
всему, что было до сих пор...

О, этот странный лист опросный,
всегда отчаянный и грозный,
я предъявляю сам себе.

А год уходит високосный,
такой мучительный, несносный -
он всё же был в моей судьбе!

1980

На высокой берёзе скворечники -
только что-то не видно скворцов...
Мы с тобою, безгрешные грешники,
в странных спорах не сводим концов.
Столько слов неземных наворочено,
столько сказано всяких земных.
А на пыльной траве, у обочины,
мир букашек и тварей иных.
Вон как ползают, мечутся, возятся,
как серьёзно и славно живут.
Что им, Господи, разноголосица
наших дней и часов, и минут?
Им другое на свете отпущено,
каждый занят и так деловит,
и над полем и старыми пущами
всё стрекочет, жужжит и звенит.

1986

Вдруг захотелось написать сонет.
Классический. По форме и по смыслу.
И строфику испытанно расчислив,
свести пустую выдумку на нет.

Сердился Первомайский: - Уж от вас
не ожидал искусственности этой!
Зачем вам ну, скажите мне, сонеты?
Не можете и вы без выкрутас!

И что-то там насчёт галиматьи...
Я соглашался. Но, как ни крути,
так захотелось написать - и крышка.

И я писал. И, сути вопреки,
выстраивалась логика строки,
и я сиял, и рад был, как мальчишка.

26 августа 2000

Где ты? С кем? В каких заботах?
Наползает тень на тень,
меркнет солнца позолота,
силы съела дребедень.

Вот и всё. Теперь поспать бы!
Дел ещё невпроворот.
Боль болит. Ну, что ж, до свадьбы,
может быть, и заживёт.

Вдруг проснёшься среди ночи,
вдруг зажжёшь зачем-то свет,
вдруг запишешь пару строчек,
боли нет и свадьбы нет.

Всё ушло в слова пустые,
в эти буковки, тире,
в эти точки, запятыя...
Спи. Светает на дворе.

11 ноября 2000

Неисчерпаем мир природы,
многообразен и влекущ,
в нём столько смысла и свободы,
и райских и не райских куц.
Им я люблюсь бесконечно -
не истомит, не надоест
и то, что остаётся вечно,
и что мелькает лишь окрест.
Природы мир! И я ведь тоже
весь от него неотделим,
случайный, кажется, прохожий,
другого века пилигрим.

2002

Подмели асфальтовую тропку:
чисто, скучновато и светло.
Я иду спокойно, не торопко -
время для прогулок подошло.

Как, однако, подвалила старость:
я и не заметил-то сперва!
Сколько там на свете мне осталось?
Я не знаю. Год? А может, два?

Это, в общем, и не так уж мало,
и не так уж много...
Что считать!
Вот собака мимо пробежала,
вот мелькнула птица.
Благодать!

Вспоминать и горестно, и сладко
всё, что было с миром и со мной.
Жизнь - неразрешимая загадка!
Жаль, что пролетела стороной...

2002

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Владимир Сосюра

(1898 - 1965)

И ночь прошла уже давно
со звёздами и тьмою,
и постучал рассвет в окно
рукою голубою.

Его глаза всегда в огне,
с усмешкою весёлой
он скачет дальше на коне
и быстро будит сёла.

Летит по милой стороне,
поставив в стремя ногу...
И меркнут звёзды в вышине,
дают ему дорогу.

26 сентября 1962

Леонид Первомайский

(1908 - 1973)

О даль моя, даль моя, даль!
О юности небо над нами!
В природе разлившись, печаль
Пьянит меня давними снами.

А месяц плывёт в вышине,
Как лодка, вдали, по Дунаю.
Чей голос слышался мне?
Не знаю, не знаю, не знаю.

Лишь знаю, что эта река -
Иная; склоняюсь над нею.
Но вспомнить названье пока
Не смею, не смею, не смею.

Плывёт она в дальнем краю,
С рассвета плывёт до заката,
Сквозь светлую юность мою -
Куда-то, куда-то, куда-то.

А месяц блеснул и над той,
Далёкой и близкой, рекою,
Лишает меня золотой
Покою, покоя, покоя.

Спасибо - в чужой стороне
Он снова напомнил легко мне
Тот голос, которого мне
Не вспомнить, не вспомнить, не вспомнить.

Как вышло, что этот простор
И волны, и берег унылый
Забывать я - увы! - до сих пор
Не в силах, не в силах, не в силах?

В природе разлившись, печаль
Пьянит меня странными снами.
О даль моя, даль моя, даль!
О юности небо над нами!
1945, Будапешт

Владимир Тидпалый
(1936 - 1973)

Вечное

Промчится жизнь, затянутся следы,
и станет всё ненужным и далёким...
И на следах моих взойдёт осока,
и колыхнётся стебель лебеды.
Но прошлое прорежется в тумане...
И вечер вдруг подарит кукованье,
весёлое и грустное «ку-ку».
Придёт мальчишка в голубые плавни
(и я сюда ходил ещё недавно) -
всё повторится на его веку.
Он вырежет тростинку для свирели -

и кажется, что жизнь не прервалась:
И что грустить? – пока и в самом деле
меж нами есть невидимая связь...

Евген Гуцало
(1937 – 1995)

Всё в мире летит или прежде, когда-то, летело,
откроется всем беспредельный простор высоты...
Буланая туча несётся за тучею белой –
и схожие с конскими туч проплывают хвосты.

И листья летят... Багрецом опалённые – с вишни.
Червлёные – с клёнов. И красные – с красных дубов.
Зелёно-стальные – с осины слетают неслышно.
И с вербы седые скользят среди вечных миров.

И птицы летят... Пролетают куда-то кроншнепы.
Тиркушка летит, и лысуха. Дороги у всех далеки.
И крылья опять заслоняют бездонное небо:
гагары летят. И за ними взмывают нырки.

И бабьего лета летит паутинка и тает,
недолгой печали кончается тихий обряд...
А руки мои в этом мире не просто летают,
а руки мои за тобой в этом мире летят.

Светлана ФЕЛЬДЕ

Хеннеф

Жизнь и смерть – вечные темы философов и писателей – предмет пристального внимания Светланы Фельде.

Светлана приехала из Казахстана в Германию в 1999 году. Активно как журналист сотрудничает с прессой, публикует свои рассказы в различных русскоязычных изданиях, в этом году вышла её книга «Страна заходящего солнца», получившая немало благожелательных и восторженных отзывов. Вот некоторые из них.

«Если вы женщина, вы удивитесь, как хорошо автор знает вашу душу, ваши устремления, ваши тайные мысли. Если вы мужчина, вы будете поражены богатством женского мира, неожиданно открывшемся вам и никогда вами не подозреваемому». (Анатолий Штайгер).

«Она говорит устами своих героев, не договаривая, рисует ярко, но не пёстро, умело смешивая краски порой несовместимые, как в жизни. Как жизнь». (Иван Бер).

«Автор владеет редким даром сочетания реалистических, как бы даже зримых описаний, с одной стороны, - и легкого и эстетичного сюра (в самом позитивном смысле этого, вовсе не бранного слова), с другой стороны, а также элементов притчи и символики... Прекрасная, сочная, «вкусная» русская проза, в том её, лучшем, обличье, которое уже начинает забываться». (Анна Цаяк).

«По просторам творческой вселенной Светланы Фельде всегда струятся страстные, горячие потоки истинно человеческих устремлений и желаний». (Надежда Рунде).

Что ж добавить к этому что-либо трудно. Лучше просто взять и шагнуть в эту вселенную...

Аава в мавет*

Море, уставшее за день, глухо шуршало у их ног. Свет от луны тускло стелился по матовой морской глади. Молочные отблески выхватывали из мрака очертания бригантин. На высоких мачтах висели уставшие от долгого пути полотнища алых парусов.

У самой кромки берега сидели двое: кудрявый темноволосый паренек и смуглая девушка.

Они встретились всего несколько часов назад на площади, вымощенной потемневшими от древности камнями. Девушка узкими улочками шла к морю. Она ходила к морю каждый вечер, подолгу стояла на холме, уверенная, что если не сегодня, то завтра увидит легкую бригантину, на которой к ней приплывет возлюбленный. А юноша торопился в старинный город в надежде встретить свою единственную.

Из прибрежного маленького кафе доносился хрипловатый голос Синатры, они увидели друг друга издалека и побежали навстречу.

Теперь они молчали, взявшись за руки. Но вовсе не потому, что им нечего было сказать, а потому, что впереди - целая жизнь. И все еще успеется...

Волны близко подбегали к их молодым и сильным ногам, откатывались назад, оставляя на мокрой гальке белые клочья губчатой пены. Над морем, невидимая, тревожно кричала не то чайка, не то другая птица. За спинами молодых в тени тополей и каштанов затаился ночной город, время от времени чуткую тишину разрывали странные для несведущих звуки.

В городе шла война.

Уже тысячи дней и ночей в городе у моря жила смерть, от которой нельзя было укрыться нигде. Смерть крушила пережившие века храмы и башни средиземноморского города, разрывала стекла, зашторенные гардинами, влетала в плотно закрытые ставни домов, острыми зубами вгрызалась в

кирпичную кладку, ненадолго отступала, оставляя после себя груды битых камней.

Люди понимали: умереть легче, чем остаться в живых, а когда ложились спать, то не знали, увидят ли завтра встающее над морем солнце.

Но эти двое, сидевшие на морском берегу, не думали о смерти. Она казалась им невозможной, как страдания и боль. Они думали только о себе и своей любви. Мир, в котором жили тревога, волнения, страх, просто не существовал для них. Молодые касались друг друга нежными руками, их поцелуи были робки, пугливы и волнующи. Море, повидавшее на своем веку всякого, тихо вздыхало, радуясь счастьем двоих.

Только однажды, когда поцелую влюбленных помешал отголосок взрыва, а над морской гладью взвились языки пламени, они оторвались друг от друга, вслушались в тревожные звуки, и им стало страшно.

Потом ночь перевалила за середину. Выстрелы и взрывы стихли, город погрузился в беспокойный сон, опять надеясь, что случится чудо - утро принесет забытый мир, покой и тишину.

Юноша и девушка, взявшись за руки, шли по улочкам старинного города, помнившего бессонные ночи Ноя и походку царя Соломона, радуясь будущему, и потому не заметили, как из холодного провала переулка на простор бульвара выползли серые тени усталых и грязных людей. Тени расплющили блики лунного света, море вздрогнуло, почувствовав запах пота и ненависти.

Юноша и девушка остановились

-Документы! - железно скомандовала тень, автомат уставился пустым зрачком в испуганное лицо паренька.

-У меня нет документов, - сказал юноша, сжимая тонкую руку девушки.

- Как это - нет? Разве ты не знаешь, что в городе военное положение?

Дуло автомата больно вдавилось во впасть юношеский живот.

- Нет, не знаю. Я только сегодня приплыл сюда на бригантине. Она стоит там, в бухте, можете проверить. Я искал свою любимую, больше мне ничего не нужно.

Автомат поднялся вверх, черная рука передернула затвор.

- Чужак... Значит, ты - шпион?

- Какой же он шпион, - вступилась девушка, - мы любим друг друга, поэтому он здесь...

- Не морочьте мне голову всякими глупостями, чужой в городе - преступник. А с преступниками разговор короткий! Взять!

Подгоняемые грубыми окриками и тычками, юноша и девушка, держась за руки, побрели в пасть затаившегося в ожидании скорой добычи городского квартала.

Когда они исчезли в узком полуразрушенном переулке, море застонало, и, негодуя, выплеснуло на берег крутую волну. Паруса на бригантине слабо качнулись, словно услышали далекий зов тугого ветра.

На рассвете, когда сквозь голубые разрывы кисеи облаков просочилось утро и первые лучи солнца упали на измученный город, а жители отворили закрытые наглухо на ночь ставни и вышли на улицы, чтобы встретить новый день, никто не удивился и не испугался, увидев на камнях мостовой груды сваленных как попало человеческих тел. И среди них - красивую смуглую девушку и кудрявого черноволосого паренька. Они лежали, взявшись за руки.

Они пролежали на мостовой до жаркого полудня. Проходили, прижимаясь к изуродованным стенам домов, горожане, давно привыкшие к страданиям и смерти. Равнодушно шагали мимо израненные и злые молодые парни, лица их были покрыты гарью и копотью, грязные руки сжимали автоматы.

После полудня, когда солнце пекло особенно нестерпимо, приехала машина с красным крестом на кузове. Из нее выползли небритые равнодушные санитары, их белые халаты были заляпаны кровью. Быстрыми заученными движениями они побросали трупы на носилки, швырнули в просторную утробу машины и увезли, чтобы свалить в глубокую песчаную яму на окраине города.

Еще до восхода солнца береговая артиллерия разбила тонкую бригантину в мелкие щепки. Обгоревшие алые холстины плачущее море выбросило на берег.

Их потом подобрали солдаты и разрезали на тряпки, сгодившиеся для чистки автоматов и мытья сапог.

*любовь и смерть (иврит)

Карина БАХМУТСКАЯ

Дюссельдорф

Карина Бахмутская родилась в Киеве, но вся её жизнь до приезда в Германию (1997 год) прошла в Москве. Росла в интересной творческой семье: мама Карины - актриса и режиссёр, папа - юрист. Пойдя по стопам отца, стала адвокатом и преподавала на юридическом факультете МГУ, который в своё время окончила. От мамы передалась любовь к литературе и театру - Карина с детства пишет стихи, а с недавних пор - пьесы.

Язык её стихов свеж, ярк, образен, точен, она отлично работает со словом. Читая её стихи, я неизменно испытываю эстетическое удовольствие. А особенность эстетического переживания такова, что им хочется с кем-то обязательно поделиться. Делюсь.

В мастерской художника

1. Социальное

Усталый вечер тычется в ладони.
Распухшая луна побита оспой.
Парит в пространстве утлый подоконник,
накрыт газетой четырёхполосной.
В газете этой новостей немало,
с хорошими вот только - неувязка.
И очень к месту намертво пристала
к лихому тексту алой каплей краска.
Там, за стеклом, всё куксится природа,
под стать души художника стихиям,
а сам художник спит, - дитя народа,
который и во сне жестоковьен.
Но, может, он проснётся утром душным -
и поскребётся в пальцы вдохновенье...
Народ бывает тоже благодушным .
Особенно с получки... в воскресенье.

2. Живописное

Усталый вечер тычется в ладони.
Распухшая луна побита оспой.
Парит в пространстве утлый подоконник,
накрыт газетой четырёхполосной.
На нём застыла мёртвая природа,

являя асимметрии науку,
и хочется как грустного уroda
погладить мягко гипсовую руку.
На блюдца керамической глазури
представлен фрукт пластмассовым лимоном.
Иссякший тюбик со слезой лазури
лежит окурком брошенным, кручёным.
Обрывок ткани редкостного цвета -
когда-то слыл он бархатной портьерой...
Верна искусства вечная примета -
её зовут особой атмосферой.
Нам жалят нос миазмы скипидара,
и жутко сесть в засаленное кресло,
а мантия несбыточного дара
на нас бы всё едино не налезла.
Из чашки, от следов заварки бурой,
не станем пить мы даже под расстрелом...
Но тянет на общение с культурой,
с искусством побрататься между делом.
И уходить не тянет восвояси -
диковины вокруг пощупать манит,
себя представить в новой ипостаси...
Уж тут тебя искусство не обманет!

3. Богемное

Усталый вечер тычется в ладони.
Распухшая луна побита оспой.
Тарит в пространстве утлый подоконник,
накрыт газетой четырёхполосной.
Без прессы нет дизайна с гигиеной.
Бумага со столбцами слов печатных
всем скатертью служила неизменной,
кто вечно трапез не ценил опрятных.
Сегодня повод есть, и будет праздник
по случаю удачного заказа:
один известный галерист-проказник
задумал арт-проект «Дитя без глаза»
(Стена, провалы окон, а из кладки
торчат огрызки ржавой арматуры,
вокруг в хронологическом порядке -
вождей посеребрённые фигуры).

Уж в дверь звонили раз пятнадцать кряду,
и к лука незалежного вязанке
приник через стеклянную преграду
кагор венозный в трёхлитровой банке,
паштет явился шпротный и горбушка
живого, хоть не лимбургского, сыра,
и курицы окровавленной тушка,
и к ней картошка в качестве гарнира...
Как хорошо топор в дыму повесить,
стаканами звеня, гудеть привычно,
и где-то там, вовне, без всяких песен
поёт душа, горланя неприлично.
Здесь все свои. Чужие здесь не ходят,
притом что дверь с замками незнакома
и принадлежность к избранной породе
предательски не выдаст хромосома...
...Закончилось вино. Бледнеют лица.
Всё выше, выше слой кофейной гущи.
Уже неплотный, разговор дробится.
Зевнуть позорно хочется всё пуще.
Спит на диване поэтесса Таня -
скелет, хотя не бережёт фигуру.
Она уже нашла свой путь к нирване
в объятиях любавичского гуру.
И мне пора бы на свою планету.
А славно, что вы есть, и недалече.
На серый день заветную конфету
я припасу - горчичный этот вечер.

Александр ВАСИЛЕНКО

Заль

Александр Василенко, со сказками которого я познакомил вас в предыдущих номерах альманаха, пишет фантастику. Сейчас он работает над книгой «Нейтральная зона», а в 2003 году в издательстве «Edita Gelsen» вышла его фантастическая повесть «Веста - два». Её главный герой, стареющий учёный, из иной, пришедшей на смену нашей, цивилизации. Ему приходится с трудом добывать себе хлеб насущный, бороться, в прямом смысле, за жизнь (в этой стране стариков, достигших определённого возраста, умерщвляют); он размышляет о проблемах бытия, тоскует по своей умершей возлюбленной и пишет ей трогательные письма в никуда. И лишь в конце повести выясняется,

что все её персонажи... Впрочем, кто они вам станет ясно из предлагаемых ниже рассказов, написанных автором в период работы над «Вестой - два»...

Наследники

Первой же очередью удалось свалить трёх крыс, и они бессмысленно задёргались на песке, в струях позёмки, раскидывая лапки и молотя хвостами.

В. Рыбаков

Песок. Кругом сплошной песок. Мерзкая сыпучая пакость. Нет, это не дело для нормальной серой крысы шараться по гнусному песку, который в этой пустыне днём раскаляется до невероятной температуры. И какой только дурак отдал приказ носить эти идиотские мундиры, под которыми шерсть слипается от пота? Мало что ли нам этих громоздких стреляющих машинок, изобретённых людьми? Нет! Я вам скажу. Всё это совсем не годится для нормальной крысы! Беда только в том, что сами-то мы не нормальные звери. Мы уроды. Мы мутанты. Мы результат безумных планов воинственных человеческих маньяков. А что прикажете делать бедному существу, если оно появилось в результате агрессивных научных разработок? Их философы сказали бы: бесчеловечных опытов. Эти бесхвостые приматы всегда ставят себя в центр мира, и всё оценивают относительно полезности или вредности для своего паршивого вида. Человечный, гуманный - значит хороший. Звериный, зверский - значит плохой! А вы? Вы сами-то хорошие?

Звонят. Какой противный тон у этого звонка! Ну вот. Снова моему отряду надо прочёсывать пустыню! Теперь наблюдатели заметили небольшой самолёт, приземлившийся на нашем участке. И чего им не летелось дальше? Сели бы за рекой - там уже не наш участок, и не нам пришлось бы всё это расхлёбывать. Наверное, у безмозглых приматов, как всегда, не хватило бензина. И вот теперь мне из-за их тупости придётся поднимать свой взвод.

Ну, слава Богу, кое-как построились. Господи, Боже мой, какое пополнение мне дали! Это же абсолютно необстрелянные юнцы. Они же, наверное, только-только прошли гипнообучение! Даже двигаться толком не умеют!

- По машинам! - команду я.

Они бестолково толкаясь лезут в БМП. Господи Великий и Милостивый! Всемогущий крысиный Боже! Сколько их останется лежать в этой мёртвой пустыне?! Если бы не этот дурацкий приказ - сохранять «носителей культуры», желающих сотрудничать с нами, мы давно бы взорвали и выжгли все до одного строения. Мы полили бы их напалмом, и не осталось бы ни одного примата, держащего в своих загнувшихся лапах

какое-нибудь хитроумное орудие убийства. Нет, ну я, конечно же, понимаю, что приказ абсолютно правильный. Я понимаю, что нам не удержать страну без них. Никто из правителей ещё до конца не уничтоживших друг друга человеческих стран не признает крысиную республику. Просто бросят парочку оставшихся у них атомных бомб - и всё! Бросят, если, конечно, успеют. До того, как Луна упадёт на Землю. Там, наверху, сейчас их астронавты пытаются что-то сделать, чтоб не упала. У них в запасе четыре месяца. Не смогут - и людям и нам крышка. Безо всяких бомб...

Ну, наконец-то, тронулись. Главное в этой операции для меня - это сберечь стрелка-водителя. Где я найду ещё такого, понимающего меня с полуслова? Ну, вот. Похвалил. Что он? Дрова везёт, что ли? А солнце печёт. Печёт немилосердно. Я как-то обнаружил в одной из их книжек то ли заклинание, то ли мольбу. Может быть, поможет, если повторять её про себя?

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!..

Прибыли. Вот он этот убогий самолётчик. Даю команду разведывательной группе обшарить его. Возвращаются. Старший докладывает:

- Семь человек. Вышли по направлению юго-восток. Вооружены.

Так... Идут значит пешком. Вот она цепочка их следов. Принимаю решение: возвращаемся на базу. Надо переждать это пекло. Тут никакие заклинания не помогут. Выйдем ночью, и будем брать их под утро, когда пустыня ещё не нагрелась, а то мои вояки не долго протянут в своих мундирах.

Ну, вот и она, родная казарма. Наконец-то можно снять этот дурацкий чёрный китель. Бляшечки, нашивочки - всё блестящее. Командующий говорит, что иначе люди не поймут, что ты начальник. Эти макаки любят всё яркое и пёстрое. И всю свою историю дерутся меж собой. Собираются в огромные стаи и зверски убивают себе подобных. Нет, не зверски. По-людски. Звери так не могут.

Но им и этого показалось мало, и они создали нас. Отличное, мол, пушечное мясо, эти гигантские серые крысы. За полгода - зрелая особь. Всего неделя - на обучение. Натаскивают гипноэлектронным способом. Не надо, как людей, растить и воспитывать до восемнадцати лет, чтобы потом

убить в пятиминутной перестрелке. Да нас им и не жалко. Чего жалеть-то?! У наших матерей очень высокая плодовитость. И жизнь наша коротка: не более десятка лет. Они, эти хитрые люди, всё просчитали: дебет, кредит, сальдо! А не дано понять, что то, что они создали, – тоже разумные существа, которые думают, чувствуют, хотят жить, наконец. Да что им какие-то крысы, если они упиваются страданиями себе подобных?! Посмотришь их фильмы: кто-то кого-то всё время догоняет, пытается, взрывает...

Ну вот, пора вставать. Хотя солнца и нет на небе, от песка всё равно жарко, как от работающей печи какого-нибудь завода.

Мутная луна на грязном небе с издёвкой глядит на нас. Упадёт или не упадёт? Вот в чём вопрос! Они, эти люди, хотели зачем-то сдвинуть Землю с оси, а в результате нарушили орбиту Луны, и она пошла по такому вытянутому эллипсу, что если они в ближайшие дни не сделают что-нибудь, то Земля попросту притянет свой спутник, и всем нам каюк! Да... И прилетят когда-нибудь на пустую планету инопланетяне, и скажут: «А ведь был совсем не плохой мир. Чего им не хватало?»

Песок. Трижды проклятый песок! Он лезет в рот, лезет в уши, лезет в нос. Господи! Если всё когда-нибудь благополучно кончится, попрошусь простым сторожем в какое-нибудь подземелье. Чтобы было прохладно, и никакого песка!

-Что ты сказал? – это сержант сует бинокль. Зачем крысе бинокль, если он не приспособлен для её глаз? Смотрю одним. Ага! Похоже, научная станция. Сохранился пятиэтажный дом и ржавые конструкции вокруг него. Скорее всего, это отделение какого-то секретного института. Может быть, здесь, вдали от любопытных глаз, разрабатывали химическое или бактериологическое оружие. Какой дурак иначе бы строил тут что-то основательное? В этой-то абсолютно бесплодной пустыне!

Ага! На пятом этаже в окнах сохранились стёкла. Наверное, они там. Ладно, сержант. Объезжай дом, подъезд-то с другой стороны. Командую:

- Первое отделение! Оружие к бою! Проверить дом!

Пошли мои бедолаги. Господи, что за командир отделения! По одному же надо! Перебежками!

Точно! Дождались! Эти бесхвостые сбросили на них гранату.

- Сержант! Ну-ка вдарь по окнам из пулемёта!

Молодец! Бьёт точно, зря патроны не тратит.

- Второе отделение! Короткими перебежками, по одному! Вперёд! Откуда-то опять раздалась очередь. Ещё троих заразы положили! То ли двое стреляют, то ли один перемещается по комнатам?

- Третье отделение! Вперёд!

Ну, вот. Они уже в подъезде. Ага! Началась стычка в лестничном пролёте. Только бы зря не высовывались. А мне пора надевать этот клоунский китель с серебряными бляшками.

- Ну, что там в комнатах?

- Последний из оставшихся в живых самцов объявил себя «носителем культуры».

Выступаю вперёд, важно надуваюсь, спрашиваю строго.

- Вы носитель?

- Да, - бумкает самец, - я музыкант, - и от страха опускается на пол.

- Это хорошо, - важно говорю я, - вы предаётесь нам?

Он кивает.

Две самки, молодая и старая, которых привёл откуда-то сержант, стоят рядом и что-то бормочут.

Мне докладывают, что это сдавшиеся химики. Обнаружен бункер с научным оборудованием.

Связываюсь по радио с начальством. Спрашиваю, не взорвать ли всё это к чёртовой матери? Ни в коем случае, отвечают. В том смысле, что кто его знает, что там у них. Заразите всю окрестность. Пришлем, говорят, специалистов. Из людей. И этих сдавшихся, тоже тут оставьте, пусть помогают. Ладно. Начальству виднее.

- Будете жить здесь, - важно так, будто это я сам придумал, объявляю людям.

Старая самка униженно благодарит. Придётся оставить тут пару своих солдат. Жаль, конечно. Они уже хоть с небольшим, но с опытом.

- Выходить лишь в сопровождении конвоя, - приказываю людям.

Они испуганно тарачатся и подобострастно кивают. Вот чёрт! Совсем забыл инструкцию. Надо же проверить этого «носителя»!

- Это хороший инструмент?

- Очень хороший.

- Поиграйте, - и дальше выдаю им заученную фразу о моральных и духовных ценностях. Пусть знают наших! Младшая самка согнулась. Её вот вот вырвет. Может быть беременная? У них, говорят, беременность протекает с массой различных отклонений. Напоминаю «носителю»:

- К роялю!

Самец садится, трогает клавишу.

- Вы уж не взъщитесь... - говорит он, и начинает блямкать. Они, люди, эти звуки называют музыкой. Господи! Как непереносимо громко он бумкает и блямкает! Ненавижу музыку! Мы, крысы, создания тихих подземелий. Это обезьяны любят стучать-кричать, бумкать-блямкать, да ещё колотить палкой по пустому стволу дерева. Из своего обезьяньего прошлого они и создали свою «культуру». Нужна она нам? По мне, так было бы лучше создавать

симфонии из запахов. Представляете, вначале такой нежный, почти незаметный запах поджаренного арахиса вливается в комнату? Вот он всё гуще, интенсивнее, и постепенно, незаметно переходит в аромат лесного ореха! А тут диссонансом врываются грубые, но сочные запахи сыра. Вдруг ветерок всё уносит, и остаются нежные, на пределе восприятия ароматы поджаренных семян подсолнечника... Вот это бы я понял!

Ну, слава Богу, самец перестал брэнчать, и усталился на меня. Что же сказать ему? Надо бы что-нибудь сурово-наставительное.

- То, как вы играете, пока не хорошо, - важно раздувшись говорю я, - вам следует тренировать свои пальцы.

Он подобострастно кивает, самки с надеждой смотрят на него. Оставляю охрану, поручаю им заняться убитыми. Командую остальным:

- По местам!

Дни текут как вода. Луна сейчас в перигее. Вот-вот начнут стабилизировать её орбиту. Иногда приходится приезжать к этой зловещей «научной станции». Вместе с химиками сидит там и наш «носитель культуры», блямкает по клавишам, разгоняя громкими звуками пустынных скорпионов. Питаются люди запасами из склада НЗ. Много всякого добра они накопили здесь, в подземных бункерах. Сто лет наверное хотели в них отсидеться в случае войны, которую сами же и готовили на свою голову. Господствовавший, а теперь вымирающий вид. Доведший нашу общую Землю до столь плачевного состояния. «Солнце, сожги настоящее во имя грядущего, но помилуй прошедшее!» Нет, прошедшее мы не помилуем. Мы наследники их культуры, но не их ошибок. За ошибки надо платить. И они заплатят. Вот только с Луной разберутся...

Сержант докладывал, что все люди: и химики, и «носитель культуры», с удовольствием участвуют в наших вылазках против различных, шатающихся по пустыне человеческих банд. Колошмятят своих за милую душу.

Нехорошо это... Надо бы запретить.

Татьяна ИВЛЕВА

Эссен

Родилась и закончила школу в Казахстане. Там же начала писать стихи и печататься. Диплом филолога получила в Одессе. Жила в Минске, работала на Белорусском телевидении. С 1987 года - в Германии, где преподавала русский язык, служила переводчиком, сейчас трудится в известном гельзенкирхенском музыкальном театре «MIR». На стихи Татьяны Ивлевой написаны и пишутся песни.

В 2003 году вышла книга «Берег дальний». В предисловии к ней известный поэт и бард Владимир Бережков пишет, что в стихах Ивлевой

читатель найдёт не только её, но и свою боль – боль неудачи, не свершившегося, утерянного навсегда...

Мне кажется, стихи Татьяны волнуют потому, что, как правило, автор повествуют не просто о пережитом, а о переживаемом здесь и сейчас, даже если речь идёт о далёком прошлом...

Описание наркоза

Белый воздух больничного рая,
Белый ангел на белой стене,
Белых роз лебединая стая
В белой вазе на белом окне,
Белый иней стерильных халатов,
Белый лик...белый блик...белый свет...
Белой лампы восход над палатой...
Чей-то белый вдали силуэт...
Таю белой снежинкой с мороза
На раскрытой ладони стола,
И - под белой вуалью наркоза -
Спит душа - обнажено-бела.

Михаил КРАСИКОВ

Харьков

Родился в 1959 году. Живет в Харькове, на Новоселовке, в частном секторе — почти в городе и почти в деревне, что и определило род его занятий: этнография, фольклористика, литературоведение, культурология. Кандидат филологических наук, доцент кафедры этики, эстетики и истории культуры Национального технического университета, директор этнографического музея ХТТИ «Слобожанські скарби» им. Г. Хоткевича. Автор более чем 200 научных публикаций, сборника стихов «Дерева детства» (Харьков, «Крок», 2001), составитель книг и антологий. Был директором международного фестиваля «Art Way» (Харьков, 1997), членом оргкомитета фестивалей «Харківські Асамблеї» и «Культурні герої». Вечно куда-то спешащий, перегруженный делами, переполненный планами и идеями человек...

Стихи его изначально философичны, но при этом они редко подходят на степенные раздумья умудрённого жизнью старца. В них пульсирует беспокойная, поэтически преображённая мысль - часто неожиданная, поразившая самого автора и потому требующая немедленной, словно на фотоплёнку, фиксации. Отсюда эти короткие верлибры - некогда, да и незачем рифмовать... Тишет Михаил и крепкие рифмованные стихи, но его верлибры мне нравятся больше, поэтому в этой подборке они преобладают.

Между Сциллой любви твоей, Родина,
и Харибдою ненависти твоей
не проплыть хитрожопым одиссейчиком:
вечно будешь разрываться
между Сциллой любви к тебе, Родина,
и Харибдою ненависти к тебе.

Владимир ОРЛОВ

Симферополь, 1930-1999

Публикуя в предыдущем номере стихи для детей Владимира Орлова, я обещал обязательно познакомить вас, дорогие читатели, с его творчеством, адресованным взрослым. (Одна из книг поэта так и называется «Прочтите взрослым»). Впрочем, это знакомство отчасти уже произошло. Ведь нельзя же всерьёз утверждать, что лукавый совет, как надо поступать с обидчиками, который даёт зубастый крокодил из стихотворения «Кроко, Роко, Коко, Дил»: «Не пойму, зачем ругаться, угрожая и грубя, если можно улыбаться, чтоб не трогали тебя!», обращён исключительно к детям? Таков же и диалог автора с зимующим воробьём: «- Тебе не холодно, малыш? - Да вроде ничего! - Чего ты к югу не летишь? - А ты чив, чив, чего?» Таковы многие другие стихи Орлова. В брежневские времена «самой свободной в мире прессы» некоторые детские поэты в своих стихах умудрялись эзоповским языком говорить с проницательным взрослым читателем о тех или иных неблагоприятных реалиях жизни. Номер, правда, проходил не всегда. Из-за стихотворения «Удав» («- Мы все друзья и все мы братья, - сказал удав, раскрыв объята») из «Литературки» однажды вылетела вся подборка Владимира Орлова - только что случились события с вводом советских войск в Чехословакию для оказания ей, естественно, «братской помощи», и бдящее око цензуры безошибочно высмотрело крамолу...

Есть такое понятие «образ автора». За стихами Орлова угадывается мудрый, весёлый, порой по-мальчишески озорной собеседник. Сатира Орлова едка, юмор мягок, ирония грустна. Из многообразного творчества поэта, я, учитывая особенности альманаха, выбрал преимущественно стихи, связанные с семейными и близкими к ним отношениями.

В разделе «Они сошлись» Вас, дорогие читатели, ожидают ещё и тёплые воспоминания об Орлове, детского поэта Вадима Левина, много лет дружившего с ним. Я же не могу удержаться, чтобы в конце этого предисловия не процитировать орловское, обращённое к читателям рубаи: «Читатель, не прощай мне чепухи, Ругай за все огрехи и грехи: Чем хуже отношение к поэту, Тем лучше получают стихи».

Королевская история

В сверкающей короне,
Со шпагой на весу
Король сидел на троне
И кушал колбасу.
Он ел её украдкой,
Молчание храня,
Питаясь в сухомятку
Уже четыре дня.
На кухне печь горела,
Там было всё в чаду:
На кухне королева
Готовила еду.
Кастрюли громыхали,
Тарелки и горшки,
И жаром полыхали
В духовке пирожки.
И, дверь открыв несмело,
Собрав остатки сил,
Король у королевы
Прощенья попросил.
Сказал он, чуть не плача:
-Прости меня, дружок! -
И робко взял горячий,
Румяный пирожок.
Король сказал:
-Какая
Прекрасная еда!
Не будем, дорогая,
Ругаться никогда!

Вадим ЛЕВИН

Марбург

Харьковский поэт Вадим Левин издал для детей и взрослых книги стихов и сказок ("Глупая лошадь", "Куда уехал цирк", "Кошки-мышки", "Песенка для Лешки", "Хвалилка для котят", "Рыбка-с-Двумя-Хвостами", "Грамотный щенок" и много других). Автор педагогических книг ("Уроки для родителей", "Воспитание творчества", "Когда маленький школьник становится большим читателем", "Веселая академия "Складно да Ладно") и

соавтор учебников для начальных классов по системе развивающего образования Д.Эльконина-В.Давыдова ("Букварь", "Русский язык"). Педагог, кандидат психологических наук (в Германии – доктор), член Союза писателей Москвы.

У меня такое ощущение, что стихи Левина я знал с детства. Ну, скажем, как стихи Чуковского или Маршака. Конечно же, это аберрация памяти, но, что уж точно, – с детства моего сына, а потом и двух дочерей, то есть на протяжении более чем 30 лет я люблю его творчество. Знакомство со стихами поэта началось с того, что в начале 70-х подруга жены привезла из Москвы, изданную в Новосибирске несколько лет назад, прекрасно проиллюстрированную Спартаком Калачевым книжку пересказов, подражаний, переводов с английского Вадима Левина «Глупая лошадь». Была она нам дана на короткое время, но его с избытком хватило, чтобы вся наша семья без особого труда заучила на память и «присвоила» себе озорные, добрые, отмеченные печатью подлинного таланта стихи. Потом была куплена пластинка, которая дала представление об авторском голосе и манере чтения, затем симферопольский поэт Владимир Орлов рассказал нам, что за человек Вадим Левин.

Жизнь иногда делает удивительные виражи: нужно было Вадиму Левину и мне приехать с Украины в Германию, чтобы здесь, наконец-то, познакомиться лично! После чего взаимное сотрудничество стало попросту неизбежным. В этом номере «Семейки» начат цикл бесед Вадима Левина с родителями, помещены его воспоминания о Владимире Орлове и, разумеется, стихи для детей. С них и начнем.

*Стихи, загадки, сказки, песенки
для маленьких*

На теплышке

Шли по крыше три кота.

Три кота

Василия.

Поднимались

три хвоста

прямо в небо синее!

А на небе облака

прорисованы слегка,

и серебряно плывет

самолет.

А над крышей и трубой

пар клубится голубой.
И оттаял крышин бок,
и намок.
А внизу – блестит вода,
и сверкают провода,
и от снега, ото льда –
ни следа!
Сели Васьки на карниз,
посмотрели вверх и вниз,
три сказали три кота:
-КРАСОТА!

Считалочка для кошки

Раз, два, три
четыре, пять.
Кошка учится считать. –
Потихоньку,
понемножку
прибавляет к Мышке Кошку.
получается ответ:
«Кошка – есть,
а Мышки –
нет!»

Мышкина считалка

Раз, два
три, четыре.
Сосчитаем дыры в сыре.
Если в сыре много дыр,
значит, вкусным будет сыр.
Если в нем
одна дыра,
значит,
вкусным был
вчера.

Кто этот дедушка?
Кто этот внук?

Я видел когда-то,
я видел, ребята,
как дедушка с внуком бежали куда-то.
Спешили куда-то, трусили куда-то -
И дед бородатый,
И внук бородатый!

*(Легко догадается каждый ребенок,
что это бежали козел и козленок.)*

Горная загадка

Кто
по круче
чуть заметно
к туче, к туче
метр за метром
поднимается с трудом -
на спине несет свой дом?
*(Думай, думай, не ленись!
Не улитка -
альпинист!)*

Почему у Чирикты пропал аппетит?

-Чириктя, обедать лети на окно!
В кормушке опять появилось пшено!
-Спасибо, Мяуктя, за добрую весть.
Но мне почему-то не хочется есть.
*(У этой загадки несложный ответ:
не хочет Чириктя попасть на обед.)*

Стихи дуэтом с Ренатой Мухой

Безбровая песенка о муравье

Жил на свете муравей -
без ресниц
и без бровей.
Он терпеть не мог девиц -
без бровей
и без ресниц.

Потому у муравья
были только сыновья:
сорок восемь сыновей -
без ресниц
и без бровей.

Испуганная песенка про слонёнка

Мы с мамой в Африке живем,
а в джунглях
жизнь -
не шутка!
Там страшно ночью.
Страшно днем.
А в промежутках
жутко.

Переводы с ненаписанного

Предисловие переводчика

Я с детства мечтал переводить с английского старинные стихи и истории. Но опоздал: пока я рос, Корней Чуковский, С.Маршак и Борис Заходер всё это уже перевели.

Мне стало очень обидно. Так обидно, что если бы я знал какие-нибудь английские слова, я бы сам сочинил из них новую старинную английскую народную балладу или песенку. И сразу перевёл бы её на русский.

И тут я подумал: "А почему, собственно, переводчик с английского на русский непременно должен ждать, пока кто-нибудь напишет английские подлинники по-английски? Почему бы не сделать наоборот: сначала сочинить ДО-подлинный перевод на русский, а потом пускай англичане переводят обратно? А не захотят переводить - тем хуже для них: значит, у нас будет больше английских стихов и историй, чем у самих англичан!"

Обыкновенная история

Гулял по улице щенок -
Не то Пушок, не то Дружок.
Гулял в метель и солнцепёк,
и под дождём гулял и мок,
и если даже шёл снежок,
гулял по улице щенок.
Гулял в жару, в мороз и в сырость,
гулял,
гулял,
 гулял
и вырос.

Глупая лошадь

Лошадь купила четыре калоши -
пару хороших и пару поплоше.
Если денек выдаётся погожий,
лошадь гуляет в калошах хороших.
Станет просыпаться первой пороше -
лошадь выходит в калошах поплоше.
Если же лужи по улице сплошь,
лошадь гуляет совсем без калош.
Что же ты, лошадь, жалеешь калоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

Джонатан Билл

Джонатан Билл,
который убил
медведя
в Чёрном Бору,
Джонатан Билл,
который купил
в прошлом году
кенгуру,
Джонатан Билл,
который скопил
пробок
два сундука,

Джонатан Билл,
который кормил финиками
быка,
Джонатан Билл,
который лечил
ячмень
на левом глазу,
Джонатан Билл,
который учил
петь по нотам
козу,
Джонатан Билл,
который уплыл
в Индию
к тётушке Трот, -
 Так вот
этот самый Джонатан Билл
очень любил компот.

Стр-Р-Р-рашная история с биноклями.

Предисловие к страшному

А сейчас тут такое случится,
что потом по ночам будет сниться.
И поэтому всех, кто боится,
побыстрее прошу удалиться!

Страшное

Миссис и мистер Бокли
ночью проснулись вдруг.
Миссис и мистер Бокли
открыли старый сундук,
миссис и мистер Бокли
достали из сундука
большие морские бинокли
и
орехи -
четыре мешка.

Миссис и мистер Бокли
по лестнице шли с трудом.

Миссис и мистер взмокли,
скрипел и качался дом.
Но они поднимали все выше
четыре мешка и бинокли.

И вот
оказались на крыше
миссис и мистер Бокли.

Миссис
легла у застрехи,
мистер
сел на карниз -

И -
стали колоть орехи!

А скорлупки бросали

в

н

и

з

.

.

.

Послесловие к страшному

Я прошу вас

(и вы обещаете, да?):

не бросайте скорлупок в идущих под окнами!

И ещё одна просьба:

нигде,

никогда

не колите орехи

морскими биноклями.

История с сундуком

Идёт по дорожке серьёзный Индюк,

Везёт на тележке железный сундук.

Навстречу Корова бежит налегке:

- Скажите, - кричит, - что лежит в сундуке?

- Простите, я с вами почти не знаком.

Пустите, не то зацеплю сундуком.

Но грозно Корова идёт к сундуку
и очень сурово ревет Индюку:

- Ну, нет! Не уйду я отсюда, пока
не скажете, что там, внутри сундука...

Стоит до сих пор на дорожке Индюк.
Лежит до сих пор на тележке сундук.

И эта Корова
не сдвинулась с места.

И что в сундуке,
до сих пор
неизвестно.

Стихи для взрослых и детей.

Путь к мудрости

(Из анонимного английского автора)

Путь к мудрости прост
(говорю без улыбки) -
он мной до конца досконально прослежен:

Сначала - ошибки.

И после -
ошибки.

И снова - ошибки,
ошибки,
ошибки...

Но -
реже,
и реже,
и реже...

Кто чем спасается

«Глянь, - говорю я ему, -
козлик бодается -
тем и спасается».

«Глянь, - говорю я ему, -
лошадь брыкается,
даже лягается! -
тем и спасается».

«Глянь, - говорю я ему, -
что получается:
те отбиваются, эти скрываются -
птицы в листве затаиться стараются,
рыбы ныряют, кроты зарываются,
кошки когтями вцепиться стараются,
жалит оса, а собака кусается. -
Кто чем умеет, то тем и спасается».

Он отвечает:

«Меня не касается,
кто там бросается,
кто там кусается...»

Он отвечает:

«Меня ничего не касается...»

Тем и спасается.